

Максим Горький

Нилушка

Максим Горький

Нилушка

«Public Domain»

1913

Горький М.

Нилушка / М. Горький — «Public Domain», 1913

«Деревянный город Буев, не однажды дотла выгоравший, тесно сжался на угорье, над рекой Оберихой; дома с разноцветными ставнями, приникнув друг ко другу, запутанно кружатся около церквей и строгих присутственных мест; улицы, расторгая их тёмные кучи, лениво расползлись во все стороны и откидывают от себя узкие, как рукава, переулки; переулки слепо натываются на заборы огородов, стены амбаров, и, когда смотришь на город сверху, с горы, кажется – кто-то помешал его палкой и всё в нём рассеял, насмех перепутал...»

Максим Горький

Нилушка

Деревянный город Був, не однажды дотла выгоравший, тесно сжался на угорье, над рекой Оберихой; дома с разноцветными ставнями, прикинув друг ко другу, запутанно кружатся около церквей и строгих присутственных мест; улицы, расторгая их тёмные кучи, лениво расплзлись во все стороны и откидывают от себя узкие, как рукава, переулки; переулки слепо натываются на заборы огородов, стены амбаров, и, когда смотришь на город сверху, с горы, кажется – кто-то помешал его палкой и всё в нём рассеял, насмех перепутал.

Только одна Большая Житная, тяжело поднимая от реки на гору каменные дома купцов, – в большинстве из немцев-колонистов, – режет, прямо и сурово, тесные груды деревянных построек, зелёные острова садов, отодвигает в сторону церкви и, проходя через Соборную площадь, тянется – всё так же неуклонно прямо – в неплодное поле, покрытое дёрном, к сосновому бору Михаил-Архангельского монастыря, – монастырь почти невидно скрыт за рыжею стеной старых сосен, подпирающих небо, и только в яркий, солнечный день сквозь тёмную зелень хвои приветно сияют золотые кресты – жёлто-огненные птицы всегда немного, сказочного леса.

Домов за десять перед тем, как выйти Житной в поле, от неё налево потянулись к оврагу и спустились в него маленькие, в одно и два окна, присевшие к земле кельи слободы Толмачихи, основанной дворовыми людьми именитого помещика Толмачёва, который раскрепостил своих рабов за тринадцать лет до законной воли и за это был весьма горько обижен царём Николаем Павловичем, так что, с обиды, ушёл в монастырь, где десять годов молчал и помер в тихой неизвестности, потому что богомолам и странникам не показывали его, запрещено было вышней властью.

Как построились толмачи, приписавшись в мещане, полсотни лет тому назад, так и живут в девятнадцати хижинах и даже ни однажды не горели, хотя за это время город – исключая Житную – понемногу весь выгорел, – где в нём землю ни копай, всюду найдёшь неистребимый уголь.

Стоит слобода – как сказано – на краю и по склону одного из рукавов глубокого ветвистого оврага, окнами к разинутому устью его; оно открывает вид на Мокрые луга за Оберихой и болотистый, еловый лес, куда опускается на ночь мутно-красное солнце.

Овраг растопырился по всему полю, обходя город со стороны заката: он вычурно изгрыз суглинистую землю и каждую весной всё больше пожирает земли, сносит её в реку, заваливая течение Оберихи, отводит мутную воду всё дальше в луга – широкие луга становятся помаленьку болотом. Овраг зовут Великим, обрывистые бока его густо поросли тальником, ракистой и бурьяном, летом в нём прохладно, сыро, и тогда он служит уютным местом свидания влюблённых бедняков города и слободы, местом их пирушек и нередких смертных драк, а зажиточные горожане сваливают в него мусор, трупы издохших кошек, собак, лошадей.

По дну оврага бежит, сладко звеня, Жандармский ключ, славный во всём Буеве вкусом кристальной студёной воды, такой студёной, что от неё и в знойный летний день зубы ломит; слобожане-толмачи считают эту воду своей, целебной, гордятся ею, пьют только её и оттого живут долго, – некоторые уже и не могут сосчитать свои года. Мужчины слободы занимаются рыбной ловлей, охотой, птицеводством, воровством; кроме сапожника Горькова – чахоточного, худого, как скелет, и прозванного Чуланом, – в слободе нет ни одного ремесленника. Бабы – зимою шьют и чинят мешки на мельницу Зиммеля, щиплют паклю, летом – ходят в монастырский бор по грибы, по ягоды и в лес, за реку, по клюкву; есть две знаменитые гадалки, две – сводничают ловко и успешно. Город, конечно, всех мужчин-слобожан считает ворами, всех женщин и девиц – распутницами; город всячески старается стеснить, искоренить слободу, но

всё-таки немножко боится толмачей: подожгут, обокрадут, а могут и убить; толмачи презирают горожан за их скопидомство, чёрствость, жадность и болезненно завидуют их крепкой, сытой жизни.

Слобода так бедна, что и нищие не заходят в неё, – разве только в пьяном виде.

Тощие собаки, питаясь неведомо чем, воровато бродят со двора на двор, поджав хвосты в репьях, вывесив бескровные языки; завидя человека, они стремительно бегут в овраг или покорно и раболепно ложатся на брюхо, ожидая неизбежной ругани, а то – пинка.

Из каждой щели, каждого дома, сквозь радужные стёкла окон, с крыш, чиненных лубками, поросших бархатистым мохом, отовсюду, безнадежно и мёртво, смотрит всё подавляющая русская нищета.

На дворах толмачей растут ольха, бузина и всякие сорные травы, обильный репейник высовывается на улицу сквозь щели заборов, хватая проходящих за ноги, за подошвы, под заборами густо жмётся крапива, коварно обжигая малых ребят. Все дети – худенькие, голодные, все очень раздражительны, часто дерутся, подолгу плачут. Их немного, почти каждую весну в слободе бывает дифтерит; scarлатиной и корью болеют повально, как взрослые тифом.

Из всах звуков жизни в слободе чаще всего слышен плач и дикая ругань, но вообще в ней живётся тихо, уныло, и даже кошки весною мяукают негромко, подавленно.

Поёт, когда она выпивши, одна Фелицата, баба озорница, хитрая и сводня; поёт она каким-то особенно густым и словно шершавым голосом, с хрипотцой, с надрывом, закрыв глаза и далеко выгибая кадык.

Только бабы неугомно суетливы, истерично шумны; целый день они, высоко подоткнув подошвы, бегают вдоль улицы, выпрашивая друг у друга щепотку соли, мучки, ложку маслица; ругаются, режут, бьют детей, тискают во рты маленьких иссосанные груди и снова – бегают, вертятся, орут, неустанно налаживая печальную жизнь. Все они истрёпаны и грязны, у них дряблые щёки и на костлявых лицах – беспокойные глаза воровок, а если женщина полна, значит – больная, глаза её тусклы и походка тяжела. Но почти все до сорока лет каждую зиму беременеют и весною выходят на солнце с огромными животами и синевою истощения вокруг глаз, это не мешает им работать с тем же напряжением отчаяния, как работают они и пороженые. Они – точно иголки и нитки: чья-то хлопотливая, упрямая рука хочет заштопать их силой гнилую ткань, а она всё расплзается, рвётся.

Первым человеком в слободе считается мой квартирохозяин Антипа Вологонов, маленький старичок, торговец «случайными вещами» и закладчик.

Он страдает застарелым ревматизмом, ноги в коленях выворочены у него, пальцы на руках кривые, опухли, не гнутся; он всегда держит руки в рукавах; кажется, что они не нужны ему, вынимает он их редко, осторожно, как бв боясь сломать.

Никогда не сердится, не горячится.

– Этого мне нельзя, – говорит он, – у меня сердце распухло и может лопнуть!

Скуластое лицо его, изрытое какими-то тёмно-красными шрамами, спокойно, как у киргиза, на подбородке висят прямые нити серых, рыжих и жёлтых волос, они почему-то влажны. Косоватые изменчивые глаза прищурены, от густых разноцветных бровей на глазницы падают тени, на висках, под редким волосом, бурно бьются синие жилы, и весь он вызывает впечатление чего-то пёстрого, неуловимого.

Ходит раздражающе медленно, чему очень способствует странного покроя им самим придуманная одежда – смесь рясы, сарафана и поддёвки, – полы её связывают ему ноги, тогда он, остановясь, дрягает ногами, поэтому полы оборваны, обиты.

– Торопиться некуда, – объясняет он, – к своему месту на погосте всегда во-время доспешь!

Он говорит витиевато, очень любит церковные слова и всегда после них молчит немножко, как бы мысленно ставя за ними большую, тяжёлую, чёрную точку; говорит он со всеми и много, явно стараясь утвердить за собою ещё более крепко славу умного старика.

Хижина Вологонова, в три окна на улицу, разделена переборкой на две неровные комнаты; в большой, с русской печью, живёт сам он, в маленькой – я. Сенями отделена клеть, где под тяжёлым, старинным замком на двери, обитой кусками железа и жести, Антипа хранит заклады соседей: самовары, иконы, зимнюю одежду. Большой фигурный ключ от этой кладовой он носит на ремне суконных брюк за спиною, и когда приходит полиция посмотреть, нет ли у него краденых вещей, он долго, большими руками, передвигает ключ со спины на живот, долго отвязывает его и солидно говорит околodочному или помощнику пристава:

– Никогда керминальных предметов я не держу. Ваши благородия, помнится мне, неоднократно удостоверялись в этой правде обидной...

Когда он садится, ключ стучит о спинку или сиденье стула, и Вологонов, с трудом загибая руку за спину, щупает, не отвязался ли ключ? Мне, сквозь переборку, слышен каждый вздох старика, понятно каждое движение его.

Вечерами, когда мутное солнце опускается за рекою в сердитую щетину елей и даль, открытая мохнатым устьем оврага, дымитя лиловатым туманом, – Вологонов садится у окна за стол, перед кургузым самоваром, с помятыми боками и злой, зелёной окисью вокруг решётки, крана, ручек.

То и дело раздаются в тишине вечера властные вопросы, уверенно ожидающие точных ответов.

– Дарька, – куда?

– На клю-уч, по воду-у, – жалобно поёт тонкий голосок.

– А как сестра?

– Мучиится всё ищѐ...

– Ну, иди...

Старик легонько кашляет, очищая горло, и потом поёт дрожащим фальцетом:

Сладкою стрелою
Быв уязвлена,
Страстью огневою
Я воспалена...

Шипит и булькает самовар; на улице – тяжёлые шаги и мрачный голос говорит:

– Он думает, что ежели он городской, так непременно умный...

– Зазнаются очень люди...

– А я всем его мозгом сапога себе не помажу...

Прошли, и снова вьется фальцет-старика:

– «Нищих людей озлобление»... Минька, стой! Подь сюда, сахару дам. Что отец, – пьяный?

– Отрезвел, давеча капуста с квасом нахлебался.

– Чего делает?

– Сидит за столом, думает...

– Бил мать-то?

– Нет ещё.

– А она что?

– Спряталась...

– Ну, ступай, бегай...

Под окном неслышно является Фелицата, сорокалетняя женщина, с ястребиным взглядом холодно-весёлых глаз и плотно сложенными в незаметную улыбочку яркими губами красивого рта. Она тоже знаменита в слободе – сын её, Нилушка, – блаженный; знаменита она ещё знанием всяких обрядов и великим умением вопить по усопшим, по рекрутам. У неё перебито бедро, и ходит она, сильно припадая на левый бок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.